

«Ключ» Гораций был первым римским поэтом, который, таким образом, осмыслял лирику не только на практике, но и в теории его «*Ars Poeticae*» начинается с толкования именно понятия «образа», причем под искусством он понимает не сопряжение риторических фигур (что было бы во многом близко Ломоносову, которому Державин подражал до Горация), а то лирическое единство, которое возникает из взятого образа на протяжении стихотворения, как и сделано в «Ключе» Державина. Подчеркивая такое единство, поэт назовет в дальнейшем большинство своих самых известных стихотворений также лаконично «Бог», «Водопад», «Лебедь», «Ласточка», «Фонарь», «Облако», «Христос» и т. д. Осмысление каждого из них подчинено первому самодовлеющему образу, от которого тянутся нити развития на протяжении целого стихотворения.

Другое, чему Державин учится у Горация, — это конкретизация образа. Читателям и Горация, и Державина сообщаются такие детали, как, например, какого цвета дерева, какого производства и качества вино, откуда слышна музыка и на каких инструментах она исполняется, какая подается еда и какого она запаха, вкуса. Конкретизация образа особенно достигается эпитетом, а Гораций — мастер эпитетов.⁶ Как «К ключу Бандузии» Горация, так и «Ключ» Державина насыщены поэтикой эпитета. Для Державина это «источник шумный и прозрачный», «текущий», «луга поющий», «кропящий перлами», «быстрый», и «утешающий слух», в его водах горят «розы пламенны» зари и т. д. Третье главное качество, которое Державин находит в поэзии Горация, — это постоянные переходы от конкретного образа к его философской значимости. Если С. Коммагер убедительно продемонстрировал, как Гораций в оде «К ключу Бандузии» одновременно обращается «к своему собственному искусству» («*an invocation to his own art*»),⁷ которое стоит даже кровавой жертвы, то нами было уже показано, как Державин отказывается от жертвы, намеченной у Горация, и заменяет ее бескровной, окрашивая весь пейзаж при ключе в «красный» оттенок.⁸ Другими словами, он понимает и принимает переход от образа к философской теме у Горация, но отказывается от его языческой

⁶ В известной «Оде к Деллию» (III ода в книге II) каждое имя существительное снабжено своим эпитетом. См., например, 3-ю строфу, наиболее близкую к «*O fons Bandusiae*» (*pinus — ingens, populus — alba, umbram — hospitalem, lympa — fugax, rivo — obliquo*)

⁷ *Commager S. The Odes of Horace* New Haven, 1962 P. 323

⁸ Именно поэтому у Державина «красная заря, пурпуры огнисты и розы пламенны, горя, катятся с падением вод», именно поэтому «брег» ключа становится «багряным», а луч солнца, катящегося «с небес», загорается в «кристалле» его вод. Иными словами, сама природа в «Ключе» Державина связана своим цветом со смыслом причастия, как и вино заменило кровь в причастии у христиан.